

Conclusion. Thus, in the stories “The Jeeves Collection” in order to create a comic effect, P.G. Wodehouse uses two types of wordplay most often found: 1) puns built on a lexical basis, namely on the ambiguity of words, phrases. In this case, direct and figurative meanings are played up. In most cases, the translator tries to find a Russian equivalent with a similar meaning and preserve the wordplay; 2) puns based on playing with word forms (“explicit” game). In this case, the author creates new words (most often with the help of substantiation) based on two nouns or a phrase. As for the translation, in this case the translator sacrifices the wordplay and retains only the content.

1. Vlachov, S.N., Florin, S.V. Untranslatable in translation. / S.N. Vlachov, S.V. Florin. – M.: Higher School – 1986. – 416 p.
2. Maslova V.A. Russian laughing linguoculture / V. A. Maslova // Science – education, production, economy: materials XV(62) region. scientific and practical conference of teachers, researchers and postgraduates dedicated to the 100th anniversary of the founding of the Educational Institution "VSU named after P. M. Masharov", Vitebsk, March 3-5, 2010 – Vitebsk, 2010. – P. 172-174. URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/15704>
3. Moskvina, V.P. Pun: creation techniques and language basis / V. P. Moskvina. – Russian speech. - 2011. – No. 3. – P. 35-42.

ИСТОРИЧЕСКИЕ «ЭКЗОТИЗМЫ» В ТЕКСТЕ «РЕЧИ ИВАНА МЕЛЕШКА, КАШТЕЛЯНА СМОЛЕНСКОГО...»

*Л.М. Вардомацкий
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Значение письменных памятников любого народа для современного языкознания трудно переоценить, поскольку в текстах, написанных нашими предками много веков назад как бы зашифрованы в языковых знаках социально-культурные и исторические процессы, характеризующие определенные исторические эпохи. И, одновременно, в них – в памятниках письменности – мировоззрение, мировосприятие и повседневная бытовая жизнь людей, закреплённая в разнообразных языковых формах. Как справедливо отмечает известная исследовательница белорусской народной речи В.Н. Курцова, «тэкст... не з'яўяецца поўным эквівалентам жывой гаворкі, ён у большай ці меншай ступені карэлюецца з ёй, аднак наяўныя тэкставыя запісы...адлюстроўваюць сінхронны стан моўнай сістэмы ў яе рэальным выглядзе з адлюстраваннем самых розных маўленчых сродкаў» [1]. Это утверждение в полной мере относится и к текстам историческим, которые, отражая в определенной мере особенности языка народа ушедших эпох, являются по сути фундаментом, основой изучения сложившейся к настоящему времени (и все же остающейся динамичной) системы современного языка. И в этом несомненная *актуальность, и практическая* значимость работ по поиску, исследованию и описанию письменных памятников различного характера и содержания.

Цель настоящей работы – попытаться определить значение некоторых слов-«экзотизмов», встречающихся в тексте одного из самых известных

старобелорусских памятников письменности *«Речи Ивана Мелешка, каштеляна Смоленского...»*. Значение таких слов в тексте, на наш взгляд, настолько велико, что без их понимания трудно понять текст в целом, а в особенности иронический подтекст всего документа, благодаря которому памятник письменности характеризуется как политический памфлет

Материал и методы. Языковой материал для исследования извлечен из двух известных вариантов указанного памятника письменности, один из которых написан кириллицей и издан в 1865 году во втором томе "Актов, относящихся к истории Южной и Западной России", документ под № 158 [3]. Второй – исполнен латиницей и обнаружен нами в 8 томе труда М.Вишневецкого *«История польской литературы»* (1851 год). Анализ материала осуществлялся сравнительно-историческим методом с привлечением метода исторической лингвистической реконструкции.

Результаты и их обсуждение. Почти 170 лет назад М. Вишневецкий писал: «Очень интересным достоянием белорусского языка, а вместе с ним и народной белорусской речи 16 века, является *«Речь Мелешки, каштеляна смоленского...»* [2, с.480]. Действительно, в отличие от других известных нам памятников письменности, относящихся к этому времени, которые исполнены в рамках письменных церковно-славянских традиций и языковых клише, *«Речь Мелешки...»* отличается ярко выраженным насыщением текста народно-разговорной лексикой и свободной стилистикой устного разговорного жанра.

Кириллический текст этого памятника письменности (а многие исследователи склонны называть его литературным произведением) неоднократно становился объектом исследования историков, языковедов, палеографов. И все же отдельные его языковые элементы по-прежнему скрывают от современного читателя свое истинное значение. Такие элементы (лексические единицы, словосочетания) мы условно называем «экзотизмами», понимая под этим термином для данного случая использованные в тексте наименования предметов и явлений, характерных для жизни и быта белорусского народа в 16 веке. Эти слова и словосочетания, которые мы чаще называем историзмами и архаизмами, доносят до нас своеобразие и необычность быта и нравов эпохи.

Рассмотрим некоторые из таких языковых единиц. (По техническим причинам их графическое оформление упрощено).

Ногавицы. В тексте: *«Безъ ногавиць ... гуляли»*. В известных переводах текста слово *ногавицы* передается как *‘штаны’*. Однако поиск его значения по различным историческим словарям дает нам несколько иное значение. Так, в словаре «Старорусских слов» Ольги Ковалевой читаем: *Ногавицы* – узкие брюки или род обуви, сшитой наподобие голенищ, обычно ярко раскрашенные. В словаре Вл. Даля толкование этого слова отсутствует, но по прямой ссылке находим: *«У Кавказских Казаков так называются кожаные чулки; то же, что на Дону и на Урале – ичег»*. «Толковый сло-

варь русского языка» слово *ноговицы* объясняет так: «*Вид обуви, закрывающей только голени, без ступни*». Похожие пояснения находим и в других словарях. Таким образом, можно предположить, что автор «Речи Ивана Мелешки говорит о какой-то своеобразной форме брюк или обуви с высокими голенищами, которые плотно облегают икры ног. Эта пришедшая из западной Европы мода, не характерная белорусам, и является объектом критики автора.

Пижма. В тексте: «*Дорогимъ пижмомъ воняеть*». Все исследователи текста передают эту фразу без изменений и толкований. То же и в тексте на латинице («*Dorogim piżmot waniaiet*»). Между тем современному читателю, как правило, неизвестен запах «*пижмы*». Почему же он так неприятен автору текста?

В средневековой Европе и на территории Беларуси цветы пижмы (многолетнего травянистого растения) широко использовались в быту благодаря наличию в них большого количества эфирных масел. Название *пижма* заимствовано, вероятно, из польского «*piżmo*», в котором буквально обозначает мускус, биологический секрет острым, резким запахом. Мускус и сегодня активно используется в парфюмерии

Сукня. Казалось бы, достаточно понятное современному белорусу слово. «Слоўнік беларускай мовы» (1987) фиксирует это слово с пометой *разм.* (разговорное). «Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы» (1996) подает только форму *сукенка*. Но и в этих и других словарях, как по грамматическим формам, так и по значению это слово определяется как «*Жаночае суцэльнае адзенне, якое апранаецца паверх бялізны*». Между тем в исследуемом тексте читаем: «*Давай же іему сукню хвалендышовую, корми же іего тлусто*», из чего видно, что *сукня* соотносится с потребителем мужского рода.

Хвалендышовая. В этом прилагательном проявляется активная в белорусской народной речи замена не характерного славянам звука [ф] на [хв]. Изначально должно быть *фалендышовая* – искаженное сложное прилагательное, составленное из двух основ с буквальным значением ‘*лучшая из Лондона*’ – дорогая шерстяная ткань, производившаяся в Англии.

В варианте, изданном М. Вишневым, это словосочетание передается как «*suknia chwalen – dyfzowaja*», что, скорее всего, следует признать ошибкой переписчика или редактора.

Кони дрыганты. В известных нам современных переводах конь *дрыгант* переводится как *жеребец*, что подчеркивается и примером из текста: «*Какъ дрыгантъ коло кобыль*». Вместе с тем у В. Короткевича находим существенное уточнение: «*Вымершая белорусско-польская порода коней. Иноходцы белой, реже вороной масти (исключения были редки), в полосы и пятна, как леопарды*» (Дикая охота короля Стаха).

Заключение. К сожалению, до настоящего времени, несмотря на многочисленные попытки, еще нет удовлетворительного перевода текста «Ре-

чи Ивана Мелешка...» на современные русский и белорусский языки [4]. И среди многих объективных причин, с которыми продолжают бороться языковеды и историки, – отсутствие единого понимания значения некоторых понятий, отраженных в тексте, которые, по сути, превратились в исторические «экзотизмы». И их расшифровка – все еще среди приоритетных задач исследователей этого и исторического документа, и художественного произведения одновременно.

1. Курцова, В.М. Дыялектныя тэксты як крыніца па вывучэнні стану і дынамікі развіцця моўных з'яў у гаворках цэнтральнай дыялектнай зоны беларускай мовы / В.М. Курцова. Электронный ресурс. Режим доступа: https://revolution.allbest.ru/languages/01072305_0.html#text. Дата доступа: 23.01.2023.

2. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России", собранные и изданные археографическою комиссією. Томъ второй. – Санктпетербургъ, 1865. – С. 188.

3. Wiszniewski, Michał. Historia literatury polskiej. Tom VIII / Michał Wiszniewski. – Kraków, 1851. – 504 с.

4. Вардомацкий, Л.М. «Речь Ивана Мелешки...»: проблемные места в текстах двух публикаций XIX века / Л.М. Вардомацкий // Наука - образованию, производству, экономике : материалы 74-й Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, Витебск, 18 февраля 2022 г. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова – 2022. – С.160-162. URL: <https://rep.vsu.by/bitstream/123456789/31641/1/160-162.pdf> (дата обращения: 23.01.2023).

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ КАК СПОСОБ ОТРАЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА (НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

*М.В. Василькова, К.А. Санденкова
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Когнитивная картина мира включает в себя как содержательное концептуальное знание о действительности, так и совокупность ментальных стереотипов, определяющих понимание и интерпретацию тех или иных явлений действительности. Богатство картины мира национального языка зависит от богатства всей культуры нации, её исторического опыта и религии.

Когнитивная картина мира трактуется З.Д. Поповой и И.А. Стернином как “совокупность концептов и стереотипов сознания, которые задаются культурой”. Принято различать языковую и художественную картины мира. Языковая картина мира включает в себя представления народа о действительности на определенном этапе развития, которые зафиксированы в единицах языка. Она используется как источник знания о национальном характере и менталитете определенного народа.

Менталитет складывается из природных данных и социально обусловленных компонентов и раскрывает представление человека об окружающем мире. Он включает в себя системы ценностей, стереотипные представления, нормы и образцы поведения, обычаи и традиции, имеющие как исторические, так и социальные корни.

Целью нашей статьи является выявление и систематизация пословиц и поговорок в немецком языке как источника отражения национального характера и менталитета.

Материал и методы. В процессе работы были использованы сравнительно-описательный метод и метод анализа. При написании статьи